

Император Сюаньхэ добавил:

— Чжоу Сы, госпожа Цзян отныне на тебе. Выясни всё до мельчайших подробностей. Шэнь Цяо, ты же отправляйся разузнать, кто стоит за тем, кто осмелился ударить в барабан Дэнвэнь, и кто раздувает этот пожар. Тщательно всё расследуй и верни Цинь Няньчжи честное имя.

— Слушаюсь! — оба ответили с суровыми лицами и, приняв приказ, удалились.

В полубессознательном состоянии Цинь Няньчжи почувствовал, как император Сюаньхэ подхватил его вместе с одеялом и бережно усадил в карету, направлявшуюся во дворец. Внутри было устлано толстыми шерстяными коврами и работала жаровня — император опасался, как бы его ноша не простудилась. Глядя на слегка покрасневшее личико Цинь Няньчжи, император Сюаньхэ почувствовал, как в глубине его глаз вспыхнула ярость.

Видимо, это моя доброта заставила их думать, что я мягок и податлив, раз они посмели протянуть руки к тебе. В этот раз я покажу им, кто именно правит в Великой Ци.

Цзян Дэфу, сидевший снаружи на козлах, втайне вздохнул. Забота и привязанность государя к господину Цинь становились всё более явными и вызывающими. Неизвестно, обернётся ли это благом или бедой.

Как и ожидалось, на следующее утро при дворе поднялся невообразимый шум. Меморандумы с требованиями импичмента один за другим заполняли императорский стол.

Цензор Чжан Аньцзи прямо заявил:

— Ваше Величество, Цинь Няньчжи погряз в пороках, убил мать ради власти — это неслыханное злодеяние! Его следует немедленно арестовать и бросить в тюрьму министерства наказаний до окончания следствия.

Многие сановники поддержали его:

— Верно! Верно! Как может такой подонок оставаться на государственной службе?

Министр ритуалов Ю Чжунхай сделал шаг вперёд:

— Господин Чжан, вы неправы. Истина ещё не установлена, как можно делать поспешные выводы и клеветать на невиновного?

Чжан Аньцзи возразил:

— Если бы не было несправедливости, разве кто-то стал бы рисковать жизнью, ударяя в барабан Дэнвэнь? Тот старый слуга семьи Цинь — человек чести, он не пожелал видеть, как его господ очерняют, и предпочёл умереть, но добиться справедливости для них.

Командующий Ведомством инспекции Шэнь Цяо отрезал:

— Пустые слова! Господин Цинь обладает высочайшими моральными качествами и выдающимся талантом. Он основал школы для детей, продвигал новые реформы и боролся с коррупцией — разве это тот подонок, о котором вы говорите?

Чжан Аньцзи холодно усмехнулся:

— Способности не означают добродетели. Теперь я понимаю, что всё, что делал господин Цинь, было лишь предзнаменованием. Вспомните помощь пострадавшим в Юйчжоу: он самовольно открыл амбары, не доложив государю. Во время инспекции в Цзяннани губернатор Юйчжоу Цзян Хайчэнь внезапно скончался при весьма подозрительных обстоятельствах. На ночном банкете во дворце он дерзил вдовствующей императрице. А когда расследовал дело в гостевом доме послов, посмел выхватить меч прямо перед послами и Его Величеством. Разве я в чём-то ошибся? Пользуясь милостью государя, он ведёт себя высокомерно, угождает верхам и притесняет низы. Снаружи — золото, внутри — гниль. Работать с таким человеком в одном правительстве просто тошно!

Заместитель цензора Фан Чжихэн покраснел от гнева:

— Господин Чжан, своими словами вы обвиняете нас в некомпетентности? Когда мы проводили инспекцию в Цзяннани, я был там. Тот губернатор Цзян Хайчэнь грабил народ, устанавливал незаконные налоги и обманывал вышестоящих — он заслужил смерть. Если бы не решительность господина Цинь, мы бы сами стали его жертвами. А что касается Юйчжоу — тогдашний префект боялся за свою карьеру и не пускал беженцев, которых были десятки тысяч. Если бы господин Цинь, взяв на себя огромную ответственность, не принял их и не открыл склады, начался бы бунт, и беженцы превратились бы в разбойников!

Министр финансов Линь Ханьбай в ярости воскликнул:

— Именно! Старый негодяй, ты просто завидуешь талантам и несешь чушь!

Покойный император вёл роскошный образ жизни, используя государственную казну как личную, что привело к дефициту. Господин Цинь неоднократно находил средства для армии и спасал страну от бедствий, облегчая нагрузку на министерство финансов, и никогда не требовал награды. Слышать, как его так клеветают, было невыносимо.

Видя, что сановники готовы вцепиться друг другу в глотки, седовласый старец, стоявший во главе чиновников слева, откашлялся. Это был Байли Хань, один из регентов, назначенных покойным императором перед смертью.

— Даже если у господина Цинь есть заслуги, закон есть закон: его следует заключить под стражу, расследовать правду и лишь потом выносить решение. А Его Величество, сославшись на отравление, укрыл его во дворце — это несправедливо.

На невозмутимом лице императора Сюаньхэ промелькнула тень жестокости, которую он тут же скрыл.

— И что же вы предлагаете, герцог?

Байли Хань ответил:

— Государство держится на законах, а семья — на правилах. Ваше Величество занимает высокое положение и должны подавать пример, а не пренебрегать кодексом из личных пристрастий. К тому же послы Сижун всё ещё здесь. Если эти варвары узнают, что подлец, убивший мать ради власти, может занимать высшие посты, как мы сохраним авторитет? Это же курам на смех!

Император Сюаньхэ сжал кулаки так, что выступили вены.

— Дерзость! Герцог, вы обвиняете меня в кумовстве, потакании законам ради своих и доверии льстецам?

Весь двор в одночасье рухнул на колени:

— Ваше Величество, гнев ваш неуместен!

Байли Хань обвёл всех взглядом, в глазах его блеснул холодный расчёт. Он и не подозревал, что юный император уже обладает такой властью — он явно недооценил его. Неохотно преклонив колени, он сказал:

— Прошу прощения, Ваше Величество. У меня не было таких намерений. Но я принял клятву перед покойным императором и не смею проявлять небрежность. Если Ваше Величество ослеплены злодеями, я готов умереть, но буду настаивать на своём.

Эти слова были сказаны крайне дерзко — он фактически обвинил государя в том, что тот приближает злодеев и отдаляет мудрецов. Но этот человек был влиятелен, опирался на поддержку клики вдовствующей императрицы и был регентом.

На холодном лице императора Сюаньхэ появилась зловещая улыбка:

— У герцога острый язык. Хотите умереть, настаивая на своём? Что ж, я исполню...

— Ваше Величество.

Ясный голос внезапно прорезал тишину зала, прервав императора. Он нахмурился и с недоверием посмотрел на вход. Чиновники расступились. Цинь Няньчжи в ярко-красном чиновничьем халате и шапке ушань, подобно стойкой зимней сливе, неторопливо прошел сквозь толпу к подножию трона.

— Приветствую Ваше Величество. Да здравствует император, десять тысяч лет!

Император Сюаньхэ подавил тревогу, глядя на его бледное лицо:

— Яд ещё не вышел, зачем ты встал?

Его взгляд метнулся к Цзин Мину, который выглядывал из-за дверей, — острый, как два лезвия. Цзин Мин от страха чуть не лишился ног и, вползая в зал, сжался за спинами чиновников.

Цинь Няньчжи посмотрел на старого герцога и легко улыбнулся:

— Если я буду лежать дальше, боюсь, меня окончательно вымажут в грязи, и я уже никогда не отмоюсь.

Байли Хань усмехнулся:

— Господин Цинь, как интересно. Вы намекаете, что я вас оклеветал? Если ваша совесть чиста, чего вам бояться слов других?

Чжан Аньцзи подошел ближе и съязвил:

— Герцог прав! Муха не садится на целое яйцо, а хлопок одной ладонью не звучит. Должно быть, господин Цинь...

— Хлоп!

Цинь Няньчжи изо всех сил отвесил ему пощёчину.

— А теперь звучит?

Зал замер. Послышались лишь судорожные вздохи. Чжан Аньцзи, прикрывая распухшую щеку, сначала остоленел, а затем, взревев от ярости, хотел броситься в ответ, но его удержали другие чиновники.

— Цинь Няньчжи! Ты посмел ударить меня при всех! Ты совсем потерял страх перед законом! Ваше Величество, прошу, защитите меня!

Юный чиновник размял запястье, чувствуя жар в ладони, и небрежно спросил:

— Звучит или нет?

Даже император Сюаньхэ, бывший на грани гнева, внезапно остыл, и в его глазах заиграла с трудом сдерживаемая улыбка.

Господин Чжан растерянно переспросил:

— Что?

Цинь Няньчжи посмотрел на него прямо, спокойным и искренним тоном:

— Я не хотел бить господина Чжана, я лишь хотел доказать, что его суждение ошибочно: одна ладонь тоже может звучать, причём очень громко.

Чиновники вокруг не выдержали, и зал наполнился сдерживаемым смехом. Лицо Чжан Аньцзи покраснело, он дрожащим пальцем указывал на Цинь Няньчжи, не в силах вымолвить ни слова. Лицо Байли Ханя тоже стало мрачнее тучи — все знали, что Чжан Аньцзи его марионетка, и пощёчина, нанесённая ему, была пощёчиной самому герцогу.

— Слышал, господин Цинь мастерски владеет языком, сегодня я в этом убедился.

— Взаимно, — не дрогнул Цинь Няньчжи.

Байли Хань впал в ярость:

— Желторотый юнец, как ты смеешь ставить себя на один уровень со мной? Когда я защищал страну, ты ещё не знал, в чём чреве перерождаешься! Повезло тебе с парой фокусов, и ты возомнил себя героем? Посмотри на себя в зеркало, достоин ли ты этого!

Цинь Няньчжи оставался невозмутимым. Его не задевали оскорбления, напротив, раскрасневшийся старый герцог выглядел как суетливая обезьяна. Император Сюаньхэ смотрел на юношу с нежностью: он всегда так непринуждённо брал верх. Очаровательный, сам того не зная, он вызывал одновременно и любовь, и досаду.

Когда Байли Хань пытался поставить государя в неловкое положение, юноша тем же методом заставил старого осла опозориться перед всем двором.

<http://bllate.org/book/18871/1842375>